

Одной из важнейших целей адаптации реалий при переводе является идеологическая доместикация, частный случай проявления которой — адаптация конфессиональная, то есть переадресация иноконфессионального текста, позволяющая использовать «чужой» конфессиональный текст в своей конфессиональной среде. Этот тип адаптации приобретает особую важность в конце XVII в. в переводах московских книжников. Ярким примером конфессиональной переадресации является «Слово о милости», считавшееся до недавнего времени оригинальным произведением московского книжника (Епифания Славинского или Евфимия Чудовского). Этот текст является переводом с польского проповеди Петра Скарги. Для этого перевода характерна систематическая замена католических реалий или же их устранение (так, *католический* регулярно заменяется на *православный*, устраняются имена западных святых). Подобный прием используется и другими книжниками, в частности Симеоном Полоцким [Корзо] и впоследствии Дмитрием Ростовским. Так, римский сенат в его переводе Жития Симеона Юродивого (перевод 1701–1705 г.), основным источником которого послужил латинский текст Жития в сборнике Лаврентия Сурия «De probatis sanctorum historiis», превращается в *боляр*. Именно такой вариант перевода слова *senator* — *боляринъ* находится в Лексиконе трехязычном Федора Поликарпова 1704 г. [Кузьмина, с. 63–64].

Адаптация лексики позволяет по-новому взглянуть на переводы книжного круга Максима Грека и московских книжников конца XVII в., основной чертой которых традиционно считается буквальное следование своему оригиналу. Сходные типы адаптации реалий находятся как в переводах с греческого, так и в переводах с польского, принадлежащих одному кругу авторов.

Литература

- Корзо М. А. О некоторых источниках катехизисов Симеона Полоцкого // Київська Академія. 2008. № 6. С. 102–122.
 Кузьмина М. К. Житие Симеона Юродивого в редакции Дмитрия Ростовского. Принципы работы с источниками и методология их редактирования. М.; СПб., 2015.
 Максимович К. А. Законъ соудный людѣмъ. Источниковедческие и лингвистические аспекты исследования славянского юридического памятника. М., 2004.
 Николаев С. И. Польско-русские литературные связи XVI–XVIII вв.: Библиографические материалы. СПб., 2008.
 Пентковская Т. В. Адаптирующие глоссы в поздних церковнославянских переводах с греческого // Вестник Московского государственного университета. Сер. 9. Филология. 2016. № 1. С. 26–45.

Я. А. Пенькова (ИРЯ РАН)

ВТОРОЕ БУДУЩЕЕ В ПЕРЕВОДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ДРЕВНЕЙ РУСИ¹

В настоящей работе рассматриваются употребления *будущего сложного второго* (перифразы *буду* + л-форма) в переводной древнерусской литературе в сопоставлении с греческими соответствиями, до сих пор не становившиеся предметом отдельного исследования². Славянской перифразе чрезвычайно редко соответствует ее структурный аналог — греческий футуральный перфект. Это позволяет выявить те параметры, которые побуждали славянских переводчиков использовать конструкцию, формально не соответствующую структуре в оригинале, и обогатить наши знания об особенностях древнеславянской перифразы *буду* + л-форма (см.: [Пенькова]).

Древнерусские домонгольские переводы с греческого (см.: [Пичхадзе]), интегрированные в базу данных НКРЯ³, сопоставляются с некоторыми южнославянскими переводами (Шестоднев Иоанна Экзарха, Паренесис Ефрема Сирина и др.), выявляются общие принципы и различия. Результаты сравнения славянских текстов с их греческими оригиналами дают чрезвычайно пеструю и во многом неожиданную картину. Выделяются несколько типов славянско-греческих соответствий: *двухкомпонентные* с отдельным соответствием для вспомогательного *буду* и для л-формы (аналитический футуральный перфект: *βοудεσιν съвършнлъ – ѣшѣ тетелекѡс*⁴; аналитический перфект конъюнктива; сочетания глагола-связки с именами существительными и др.) и *однокомпонентные*, в которых перифразе *буду* + л-причастие соответствует одна греческая форма (аорист индикатива или конъюнктива, перфект индикатива, презенс индикатива или конъюнктива, футурум, имперфект, инфинитив презенса). Однокомпонентные соответствия встречаются чаще, чем двухкомпонентные.

Основным соответствием славянской перифразе в греческом тексте является аорист: *βοудε γλῶλλ – εἴτεν*⁵. Возможные объяснения этому — экспансия аориста в зоне перфекта в среднегреческом языке [Судакова, с. 11–14] и более широкая сфера употребления греческого аориста в сравнении с его славянским когнатом: первый характерен для реального условного протазиса, обозначения событий плана будущего и предполагаемых событий в сочетании с модальными частицами *ἄν* ‘пожалуй, может быть’, *ἄρα* ‘разве, неужели’, *ἴσως* ‘может быть, вероятно’: *βοудε нстнѣнствовалъ – ἄρα ἡλήθευσεν*⁶.

При этом в южнославянских переводах, в отличие от древнерусских, встречаются прямые соответствия «модальная частица – вспомогательный буду», «финитная глагольная форма (не обязательно аорист) – л-причастие»: *будуть сѧ н ѹдѡднѧ мѣнозн – ἴσως θαυμάζουσιν οἱ πολλοί*⁷.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант № 15-04-00283 «Древнерусский глагол: функционирование и эволюция».
² В работе [Науртова] рассмотрены латинские соответствия второму будущему в славянском переводе сорока гомилий Григория Великого.
³ НКРЯ – Национальный корпус русского языка, URL: www.ruscorpora.ru.
⁴ Мушинская М. С., Мишина Е. А., Гольшенико В. С. Изборник 1076 года. 2-е изд., доп. и перераб. / Под ред. А. М. Молдована. М., 2009. Т. 1–2.
⁵ Aitzetmüller R. A. Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. Graz, 1958. Bd. V. 245.
⁶ Гольшенико В. С., Дубровина В. Ф. Синайский патерик / Под ред. С. И. Коткова. М., 1967. С. 309.
⁷ Aitzetmüller R. A. Das Hexaemeron des Exarchen Johannes. Bd. V. 121, 185a.

Напротив, для южнославянских переводов нехарактерна передача греческого футурума славянской перифразой *буду* + л-форма, ср. спорадически только в древнерусских: боудоуть бодольн — ἔσονται νεκικῆτες⁸. Остальные типы славяно-греческих соответствий являются общими для южнославянских и древнерусских переводов.

В целом перевод различных греческих конструкций с помощью перифразы *буду* + л-форма можно охарактеризовать как функциональный, передающий в первую очередь конкретные грамматические значения форм оригинала и лишь в последнюю — структурное подобие. Предбудущее в сознании славянского переводчика не было средством чистого таксиса: л-форма сохраняла атрибутивность и характеристическую семантику, о чем свидетельствуют переводы греческих конструкций с существительными и прилагательными с помощью перифразы *буду* + л-форма. Предбудущее не воспринималось и как средство референции к будущему, но служило, прежде всего, для передачи различных аспектуальных и модальных значений. Так, из более чем 60 случаев только в 6 в греческом представлен футурум.

Литература

Пенькова Я. А. К истории славянского второго будущего: пути семантической эволюции // Die Welt der Slaven. 2017. № 2 (62). S. 247–259.

Пичхадзе А. А. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2012.

Судакова А. Н. Старославянский перфект и его греческие соответствия. Минск, 1989.

Науртова З. Tak zvané futurum exactum v staroslověnském překladu Besěd Řehoře Velikého // Janyšková I., Karlíková H., Večerka R. (eds.) Varia Slavica. Sborník příspěvků k 80 narozeninám Radoslava Večerky. Praha, 2008. S. 95–101.

⁸ Истрин В. М. Александрия русских хронографов. Исследование и текст // ЧОИДР. 1894. Кн. 1. Отд. III; Кн. 2. Отд. II; греч.: Arrianus. Fragmenta scriptorum de rebus Alexandrii M. Pseudo-Callisthenes. Parisiis, 1846.

В. Б. Перхавко (ИРИ РАН)

РАЦИОН ДРЕВНЕРУССКОГО КУПЦА

Бытовая сторона жизни торговых людей русского Средневековья (особенно для раннего периода) пока остается недостаточно изученной. И прежде всего, из-за весьма ограниченной источниковой базы. В письменных источниках IX–XI в. почти нет свидетельств о быте первых представителей зарождавшегося тогда на Руси купечества, поэтому при его реконструкции приходится полагаться в основном на археологические материалы.

Реконструкция быта древнерусского купечества IX–XI в. возможна только на основе интеграции методов археологии с методикой письменной истории, специальных исторических дисциплин и естественных наук, то есть междисциплинарного синтеза. Суть метода комплексного источниковедения заключается не в простом сопоставлении результатов, полученных археологией, нумизматикой, сфрагистикой, источниковедением письменных материалов, топонимикой, а в аналитическом сравнении их первичных источников, во взаимной корректировке их достоверности, полноты, репрезентативности, а в некоторых случаях и в установлении более точной даты и происхождения.

В древнерусских и иностранных письменных источниках отложились лишь отрывочные свидетельства о пищевом наборе торговых людей из Руси во время дальних поездок. Двигаясь по пути «из варяг в греки» вдоль западного побережья Черного моря, на стоянках в Констанции (современной Констанце), Конопе, устье рек Варны и Дичины, в других болгарских гаванях древнерусские воины и купцы чувствовали себя в большей безопасности, чем во время прохождения в нижнем течении Днепра печенежского (а с последней трети XI в. половецкого) барьера. Здесь они отдыхали, пополняли запасы пресной воды, закупали у местных жителей продукты питания, оставляя следы в виде древнерусских ремесленных изделий (дисков для прядения — пряслиц из розового овручского шифера, глиняных поливных яиц-погремушек, трубчатых висячих замков для дверей и сундуков, бронзовых крестов-энколпионов и др.).

Далее через Месемврию (совр. Несебр) они попадали в столицу Византии, бытовая жизнь которой существенно отличалась от древнерусской повседневности. По предположению Г. Г. Литаврина, власти Константинополя ставили купцов из Руси на постой в воинских казармах, свободных от солдат, отправлявшихся в летние лагеря. Там легче было кормить, контролировать, а в случае необходимости и обуздать торговых людей из дружинной среды Руси.

Помимо бесплатного жилья византийские власти предоставляли древнерусским купцам также в течение полугода продовольствие («да емлют месячину на 6 месяцев, и хлеб, и вино, и мяса, и рыбы, и овощем»), вносили в баню и снабжали на обратную дорогу не только продуктами («брашно»), но и ладейной оснасткой («и якоря, и ужища»). Причем всех их византийские власти включали в специальный список, выдавая месячное довольствие в определенной последовательности: «первое от города Киева, и пакы ис Чернигова, и Переяслава, и прочии города».

Благодаря купцам, восточные славяне с IX–X в. узнали об экзотических фруктах и овощах, виноградных винах. Человек, связанный с внешней торговлей, очевидно, проживал в середине X в. в усадьбе на киевском Подоле, в которой обнаружены византийская монета императора Романа I (921–944 г.), косточки персиков, семена дынь, скорлупа грецких орехов, гирьки-разновески.

Чем же питались русские купцы в IX–XI в. во время длительных торговых поездок, особенно в заморские страны? Они не могли запастись на всю дорогу в большом объеме продовольствием, которое летом быстро портилось и к тому же отягощало купеческую поклажу. Дорожные запасы обычно состояли из сушеной рыбы, сухарей, пшена. Зимой можно было взять с собой и замороженное мясо. Между тем продукты, привычные для купцов, порой было очень трудно приобрести в безлюдных степных районах и у кочевников южнорусских степей (печенегов, половцев). Нередко возникали проблемы с водой, особенно в засушливый летний период, и, страдая от жажды, купцы порой не обращали внимания, «была ли она светла и чиста, не имеючи мутности никакие», что могло привести к плачевным последствиям. В «Книге глаголемой Прохладный вертоград» говорится о вреде употребления стоячей (озерной и болотной) воды для желудка человека. При отсутствии колодца либо родника рекомендовалось использовать

